Причины невозможного

Сборник рассказов первого года

Владислав Повх

18+

Владислав Повх

Причины невозможного

«Автор»

2026

Повх В.

Причины невозможного / В. Повх — «Автор», 2026

Монстр под кроватью обещает защитить ребёнка. Звонок в техподдержку меняет реальность. Смерть ездит на зелёном велосипеде и работает строго по расписанию.«Причины невозможного» — десять рассказов, написанных за первый год моего писательского труда. Здесь есть фантастика, фэнтези, психологический хоррор и абсурдный юмор. В этих историях люди сталкиваются с невозможным, но решения принимают по вполне знакомым причинам: из страха, любви, одиночества или желания облегчить себе жизнь.

© Повх В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Не / мой мир 5
Моё подкроватное Я 11
Гидра 19
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Причины невозможного

Не / мой мир

Полная луна низко нависла над городом. Серебристый свет проникал в окно, освещая молодую девушку в объятиях мягкой кровати и атласных простыней.

Она лежала в полубреду, мучаясь от боли. Казалось, нечто вырывается и жаждет обрести свободу. Тихие всхлипы, хруст суставов и прилипшее к потному телу шёлковое бельё стирали границу между явью и сном. Её ломало. Кошмар во сне и наяву.

Беззвучный крик Римы выгнул её тело, а яркая вспышка света пронзила небеса.

Разные цвета, среди них и оттенки, неведомые человеческому глазу, сомкнулись вокруг Римы, превращаясь в туннель-калейдоскоп. Свет вспыхнул ещё раз, и всё поглотила тьма.

* * *

Мысли просыпались с неохотой. Тягучие и вязкие, они не хотели складываться даже в простой вопрос — куда уж там до сложных. В глазах ещё стояли цветовые пятна, но они быстро сходили на нет. Холодный ветер задувал под тонкую ночнушку, рождая мурашки, растерянность и слабую дрожь по всему телу. И тишина — её вечный спутник: Рима родилась глухонемой, и её собственные мысли были единственным голосом, который она знала.

«Где я?» — а вот и первая мысль появилась на свет вместе с осознанием: это уже не её дом, не её кровать и не её мир.

Об этом чётко и ясно говорили две луны. Одна насыщенно синяя, подобно глубокому океану, поднявшемуся в космос. А другая бордово-красная, как густая кровь, отобранная у всей планеты и сконцентрированная в один громадный шар. И каждая луна пульсировала,

почти незаметно, так тихо, как робкое дыхание. Вместе они кружились в вечном и неспешном танце вокруг друг друга.

Твёрдая, сухая и потрескавшаяся земля крошилась и больно впивалась в кожу, посылая быстрые импульсы в мозг: «Вставай». Но ноги не слушались, всё тело ослабло, и сил хватило только на то, чтобы немного приподняться на одной руке.

Перед ней раскинулась пустошь, по которой прямо к ней летел светящийся зелёный сгусток. Когда сгусток приблизился, Рима различила силуэт девочки лет десяти с раскрытым в крике ртом. Она приземлилась рядом и молча уставилась.

Вдруг в голове зазудело, чужая мысль, как червячок, пыталась пробраться внутрь.

— *Тётенька, что вы делаете на родовой пустоши? Это запретное место.*

Как странно. Рима впервые в жизни «слышала» чужой голос — не ушами, а прямо в голове.

— *Меня зовут Кира, а вас?*

«Меня?» — она попыталась открыть рот, но тут же зажала его рукой. Бесполезно. А что если?

— *Рима,*— подумала она. —*Меня зовут Рима.*

— Отличненько, а теперь давайте отсюда выбираться! А то меня папа заругает. — Кира не удивилась тому, что Рима молчит и отвечает мыслями, — словно та всю жизнь разговаривала именно так и ничем не отличалась от остальных.

Девчушка взмахнула рукой, и тело Римы обволокло зелёным туманом, который тут же перекинулся и на саму Киру.

— Понеслась! — Её мысленный крик эхом отразился в голове. Дальше была лишь бешеная скорость.

Красная луна проводила их немым взглядом. Лишь немного усилился её пульс, словно сердце забилось чаще при виде матери.

Рима зажмурилась: от мелькающей мимо пустоши слезились глаза. Туман никак не защищал от сильного ветра, пыли и, самое главное, восторженного мысленного визга Киры.

— *А вот и… он! О нет!*

Движение тумана замедлилось, и Рима наконец смогла открыть глаза. Они находились на рваной границе между лесом и пустошью. Прямо перед небольшим деревянным домиком. И мужчиной средних лет, что сурово смотрел на сжавшуюся в ужасе девчушку, сложив руки на груди и постукивая пальцем по плечу. Новый червячок пролез в мысли.

— *Кира, кто дал тебе разре…*

Слабость была всё ещё слишком велика, Рима не смогла устоять на ногах и начала падать. Реакция мужчины была мгновенна. Взмах рукой, и зелёный туман подхватил её, как подушка.

— Это Рима. — Робкий писк Киры вторгся в мысли отца.

— *Так вот кто отобразился на экране… Что ты делала в пустоши, милая?*

Зелёный туман мужчины был мягким, нежным, обволакивающим тело и мысли. Прямо как её кровать, когда она готовилась ко сну, а потом…

Что было потом? Она лишь помнила боль, разные цвета и яркий свет.

— Где я? — Разговаривать в мыслях было немного щекотно и непривычно. Но впервые ей не требовалось следить за чужими губами, подбирать жесты или писать ответ: её просто поняли. И она была безмерно благодарна уже за это.

— На границе с родовой пустошью. Я Хранитель севера. Можешь звать меня Львом. Это и моё имя, и мой статус. Очень удобно, согласись?

Слышать его смех внутри головы было ещё страннее. Вот только от ответов не стало проще и понятнее.

— *Это другой мир?*

— Другой? — удивился Лев. Его взгляд стал пристальным и изучающим. — Нет, милая, это Земля. Кто ты такая?

Но ему не суждено было услышать ответ. Красная луна начала пульсировать всё чаще и чаще, будто наконец почувствовала Риму, а затем закровоточила. Капли крови стремительно летели вниз, прямо на пустошь.

— Дочь, свяжись с Хранителями! И забери нашу новую подругу в дом!

Кира перехватила контроль над зелёным туманом отца и понесла Риму в дом. Внутри самой заметной деталью был большой экран, напоминающий тонкий слой воды, висящий в воздухе между изящными серебристыми рамками. На нём, как со спутника, была видна квадратная пустошь, разделённая, как пицца, на четыре куска. Пицца, на которую проливался кровавый дождь.

Экран покрылся рябью, и на нём отразились три лица: два мужчины и девушка. Высокий писк заполнил комнату, проникая в разум.

— Беда!— мысленно кричала Кира. *— Новое излияние! Гораздо крупнее, чем раньше.*

— Мы видим.

Глаза девушки на экране метались из стороны в сторону, она что-то очень внимательно рассматривала. Через мгновение ужас отразился на её лице, а взгляд сфокусировался на Риме.

— Поток стремится только к вам, а не распространяется по пустоши, как обычно. Такое я вижу впервые. Это как-то связано с ней?

— Я не знаю!— Кира была в отчаянье и оглянулась на ничего не понимающую Риму.

— Мы постараемся прибыть как можно быстрее,— отозвалась девушка с экрана, всё ещё не сводя глаз с возможной проблемы. *— Следите за ней.*

— Послушай южную Хранительницу,— мысленно заговорил один из мужчин. *— Она направится прямо к вам, а мы с Заем ударим с тыла.*

Второй мужчина кивнул, и связь прервалась. На экране вновь появилась пустошь, по которой прямо к домику двигалась густая красная масса из мяса и крови.

На экране Лев стоял и хмуро смотрел на приближающуюся боль и месть прошлого. Он сложил руки на груди в молитве и позволил себе на мгновение закрыть глаза.

— Да простят меня те, кто отдал свои тела. Пусть свет живой луны омоет боль. Пусть свет мёртвой луны подарит покой. Да будет танец их вечен.

Зелёный туман стал сгущаться вокруг него, образовав два меча в руках. И он побежал навстречу движущейся массе из плоти и крови, от которой стали отделяться обезображенные тела. Пустые. Бездушные оболочки с искривлёнными конечностями, мёртвые и бордово-красные, как луна, которая их породила.

Каждый удар зелёного меча разрезал тела, как масло. Они распадались, превращаясь в густую кровь, которая, извиваясь, летела обратно к луне. Но общая масса не уменьшалась, неумолимо приближаясь к домику. К лесу. К жизни.

— Кира, на помощь! — Взывающая мысль пронеслась сквозь расстояние и стены дома.

Девочка выскочила на улицу с испуганным, но решительным лицом. Зелёный туман вокруг неё был менее плотным, но и он вскоре сформировал маленький лук. Каждое натяжение тетивы создавало стрелу, которая летела точно в цель. Но и это не замедлило массу.

— Я тут! — В небе появилась южная Хранительница.

За её спиной были зелёные крылья, а в руках копьё из зелёного тумана. Огромная масса плоти под ней казалась почти бесконечной.

— Ори! Она не уменьшается!

— Я вижу!— Хранительница кидала копьё вниз, пронзая по несколько отделившихся от массы тел.

После каждого броска копьё распадалось на туман, чтобы собраться вновь в её руках. И каждый бросок сопровождался короткой молитвой: *«Мы помним»*.

— *Почему это происходит?*— плакала Кира, ведь обычно папе даже одному удавалось справиться с этим.

— *Кого ты привела в дом?*— Ори, не переставая бросать копьё, обратилась к девочке.

— *Я не знаю!*— пуще прежнего расплакалась та, но продолжила стрелять сквозь слёзы.

Масса продолжала наступать. Хранители выдыхались, туманное оружие в их руках становилось всё тусклее. Даже Кира больше не стреляла, а тихо плакала, сидя на земле. А Рима, сжавшись у экрана, всё яснее чувствовала чужую боль и понимала: масса шла не к дому и не к лесу, она шла к ней.

Дверь тихо скрипнула, но никто этого не заметил. В этом мире давно никто не слышал и не говорил вслух. Только мысли, более не скрытые ни от кого.

Рима кое-как доползла до двери и сквозь щель посмотрела на битву.

— Пожалуйста, хватит. — Простая мысль Римы пронзила небеса. Она не знала, к кому обращается, но небеса будто ждали именно её мысли.

И они откликнулись. Синяя луна начала расти, пульсировать всё чаще, распространяя волны света вокруг себя, как импульсы. Красная же луна, наоборот, замедлила пульс и словно скукожилась.

Когда импульсы света достигли массы на земле, она вздрогнула и остановилась. А затем из синей луны ударили лучи, сжигающие боль, страх и пустоту. Масса корчилась в освобождающей агонии и кричала на весь мир.

Вот только больше никто не слышал.

А Рима упала без сил, потеряв сознание. Последняя мысль, которую она успела услышать, принадлежала Ори, Хранительнице юга:

— *Нужно отнести её под купол.*

* * *

Пробуждение было неожиданно приятным. Будто Рима хорошо выспалась и была полна сил. Пожалуй, не стоило открывать глаза — лучше было сохранить это блаженное неведение.

Рима плавала в густом зелёном тумане внутри водяной капсулы, скованной и удерживаемой в воздухе сотней серебристых нитей.

За ней наблюдал десяток учёных. Стоило Риме открыть глаза, как её мозг опутало множество мыслей-червячков, связывающих всех в единую сеть.

— *Зафиксируйте: 18:54, объект «Рима» открыл глаза.*

— *Дыхание в порядке, мозговые волны активны, пульс выше нормы.*

— *Вы нас слышите?*

Ужас сковал тело и мысли. Вопросы «что, где, когда, зачем, почему?» по кругу атаковали разум.

— *Пульс учащается, мозговая активность нестабильна.*

— Хватит, хватит, остановитесь, вас слишком много в моей голове! — мысленно закричала Рима, извиваясь в зелёном тумане.

Чужие голоса стихли. На связи с ней остался только мужчина с короткими светлыми волосами и глазами глубокого фиолетового цвета.

— Так лучше? — Его голос напоминал вкрадчивый шёпот с АСМР-эффектом.

— *Тише. Привычнее. Спасибо.*

— Ты не против вопросов? — Мужчина приблизил лицо к капсуле.

— Задавайте, — ответила Рима, глядя ему прямо в глаза.

— Что ты делала на пустоши?

— *Не знаю, просто вдруг оказалась там.*

— *Как?*

— *Помню лишь цветной туннель и яркий свет.*

Лицо мужчины напряглось.

— *Свет?*

— *Да, яркий серебристый свет.*

Связь на мгновение разорвалась, мужчина обернулся к другим учёным, а затем снова соединился с Римой.

— *Какой сейчас год?*

— *Двадцать седьмой.*

— *Точнее.*

— *Две тысячи двадцать седьмой.*

Мужчина ошарашенно отшатнулся, сделав пару неуклюжих шагов, и осел на стул. Другие подскочили к нему и после непродолжительной мысленной беседы разом уставились на Риму.

— Сейчас две тысячи триста сорок второй, — сообщил мужчина, вновь наладив связь.

Рима смотрела то на мужчину, то на свои руки и пыталась осознать. Временной скачок? Но как? И что, что же произошло с Землёй, раз она стала ***такой***?

Эти мысли она и передала мужчине. Тот махнул рукой, и пара учёных выбежала из комнаты. Вскоре они появились вновь, с помощью зелёного тумана неся точно такой же экран, какой Рима видела в домике Хранителя севера. Они установили его перед капсулой.

Мужчина встал, ещё раз задумчиво посмотрел на девушку, а после коснулся водной глади экрана и пустил по ней рябь. Она расходилась, пока не сформировалось изображение полной луны. Обычной, привычно серебристой.

— *Это не прямая запись, лишь воссозданная история. Мы показываем это детям. Чтобы помнили.*

Это было что-то вроде короткого фильма. Прямо под луной появилось название «Prima», а затем камера опустилась на город. Ночь была ещё не глубокой: по улицам ездили машины, ходили и смеялись люди, во множестве окон горел свет. Вдруг из одного дома вырвался серебристый луч и ударил в луну, соединив землю и небо подобием пуповины. Внутри него мелькали невозможные цвета — знакомый Риме туннель-калейдоскоп. Луч расколол луну надвое. Гравитация сошла с ума, всё поднялось в небо. Неведомая сила разрывала людей на части, вырывая души и забирая жизнь. Души летели к одной половине луны, наливая её синим, а пустые оболочки и тела поглощала другая, становясь бордово-красной. С первым пульсом обеих лун всё обрушилось вниз с чудовищным давлением и сформировало пустошь. А когда луны закружились вокруг друг друга, из серебристого луча хлынул зелёный туман. Он осел на Землю и расползался, пока не окутал её всю.

— Что это? Цвета внутри луча… Они такие же, как в моём туннеле. — Её мысли путались, роились и накладывались друг на друга, заставляя мужчину морщиться.

— Первое пробуждение магии, — ответил мужчина. — Впервые в истории она проснулась в одном человеке и сразу выплеснулась наружу. Энергии оказалось столько, что выброс расколол луну и искривил пространство-время. Серебристый луч был не только лучом, но и пространственно-временным каналом. А затем сила осела на Землю зелёным туманом и изменила планету вместе со всеми, кто выжил: люди перестали слышать и говорить, зато научились передавать мысли. Это не новая Земля, Рима. Та же самая — после рождения магии.

Значит, серебристый луч перенёс её сквозь искривлённое время, а цветной туннель был тем же лучом, только увиденным изнутри. Но одна деталь зацепила Риму сильнее: город под луной казался до боли знакомым.

— *Включите ещё раз начало,*— попросила она.

Рябь вновь появилась на водной глади, и снова была лишь полная луна, затем город и яркий свет.

— Стоп. — Если бы Рима могла говорить, в этот момент её голос звучал бы хрипло и резко. — Чуть назад, на момент начала вспышки.

Мужчина заинтересованно посмотрел на девушку и перемотал запись.

Рима смотрела на город, на дом, на окно своей комнаты.

— *Насколько это точно?*

— Магия тумана хранит отпечатки прошлого, — ответил мужчина. — Общий доступ к мыслям и воспоминания выживших вблизи места происшествия позволили почти точно воссоздать событие.

Рима смотрела и не могла отвести взгляд. Город был её. Дом был её. Окно, из которого вырвался серебристый свет, — тоже. А в самом начале луча, прежде чем он ударил в луну, выгнулось на кровати её собственное тело.

Тот сон. Та боль. Нечто, жаждавшее свободы. Магия не пришла за ней извне — она впервые проснулась внутри Римы, и её оказалось слишком много. Сила вырвалась наружу, пробила пространство и время, расколола луну и протащила Риму сквозь цветной туннель в далёкое будущее. Она не создала новую Землю. Она изменила прежнюю.

И Земля сохранила отпечаток той, в ком родилась магия. Здесь никто не слышал и не говорил; все общались мыслями — единственным голосом, который Рима знала с рождения. Мир унаследовал немоту своей матери.

Мужчина и остальные учёные смотрели на неё со смесью ужаса и благоговения, не в силах пошевелиться. Рима закрыла глаза, но крупная дрожь не отпускала. Впервые в жизни она оказалась среди людей, которым не нужно было объяснять её молчание. Они понимали её сразу. И теперь она знала цену этого понимания.

Она ошиблась, когда подумала: «Не мой мир». Это был немой мир — и он был её.

* * *

Авторская заметка:

Мой первый рассказ, и сразу для конкурса. Сначала я хотел развить эту идею в отдельную книгу по миру, который создала Рима, но… Что-то не срослось. Так что немного доработал рассказ, чтобы смысл стал понятнее, и оставил его как ступеньку на пути писательского мастерства.

Моё подкроватное Я

РЕАЛЕН ли монстр?

Мама опять привела незнакомого мужчину домой. Снова новый, пахнет алкоголем и тухлыми сигаретами. Она называла это поисками папы. Но я давно не верю в это. Я уже взрослый, мне целых одиннадцать лет. Мальчишки в классе смеются надо мной и называют мою маму…

Нет! Я хороший и послушный мальчик, я не должен повторять таких гадких слов.

— Мотя, ты спишь? — Мама, тихонько хихикая, заглянула в комнату.

Я давно знаю правильный ответ — молчание.

— Ну спи, спи, дорогой. — Она прикрыла дверь поплотней, но это не заглушило её смех и возглас. — Коля, ну перестань!

А нет, этот не новый. В целом ничего не поменялось.

И вообще-то меня зовут Матвей, но мама продолжает называть меня Мотей. Самое ужасное — она как-то назвала меня так при всех ребятах в школе. Это стало началом моего личного ада на земле. Я ненавижу школу. Хоть мне и нравится учиться.

Светка, моя соседка по парте, — сумасшедшая отличница. Каждый раз, когда ей кажется, что я хочу у неё списать, она тыкает карандашом в тыльную сторону кисти. Вот сейчас вспомнил, и рука заболела. Карандаши у неё всегда очень остро заточены!

А Егор — друг ещё называется. Нет, мы действительно дружили с первого класса, но когда перешли в пятый — всё изменилось. Я не знаю почему. Просто вдруг остался совсем один. А лучший когда-то друг стал вместе с другими обзываться «Мотя-шмотя» и плеваться слюнявыми бумажками.

А вот и они… Новый мужчина или старый, без разницы, всегда были **они**.

Неприятные стоны стали доноситься до моей комнаты. Раньше казалось, что незнакомцы делают маме больно. Но теперь я взрослый мальчик.

Зажав уши подушкой, я стал считать про себя:

Раз, два, три, четыре…

Обычно хватало досчитать до восьмидесяти, редко до двухсот, и всё стихало. Сегодня досчитал до трёхсот сорока одного. Рекорд.

Теперь можно и спать. Мама всегда выгоняла мужчин после этого. Тяжело вздохнув, я перевернулся на другой бок. Завтра в школу. С этой горькой мыслью я постарался поскорее провалиться в спасительный сон.

Утро, как обычно, началось с суеты вечно опаздывающей мамы:

— Мотя, ты поел? А зубы почистил? Где портфель? А где мой телефон, ты не видел? Ой, я же документы не собрала!

А я сидел в коридоре у входной двери, давно одетый и собранный, в тоскливом ожидании, когда мама заметит и довезёт до школы.

Внутри всё неприятно сжалось. По телу пробежала мелкая дрожь, хотя холодно не было. Ноги вдруг стали тяжёлыми. Что-то внутри — интуиция, тело, всё моё существо — будто предупреждало: сегодня лучше бы туда не ходить.

А началось всё с урока ИЗО. Учительнице взбрела в голову «гениальная» идея — словно мы всё ещё были в начальной школе:

— Так, дети, слушайте внимательно. В эти выходные будет отмечаться День отца. Поэтому сегодняшним заданием будет нарисовать портрет папы, а на праздник вы сможете его поздравить и подарить свой рисунок.

— А если папы нет, можно нарисовать отчима? — Светка была принципиальна в точных обозначениях.

— Конечно, милая, — улыбнулась учительница, обожавшая отличницу.

И она слишком поздно спохватилась с вопросом:

— Надеюсь, у всех остальных есть папы?

— Ха! У нас только Мотя без отца. Его мама никак не может найти нового, — на весь класс выкрикнул Егор.

Предатель. Я невольно втянул голову в плечи и, насупившись, слушал, как класс противно хихикает.

— Ну хватит, дети. В жизни всякое бывает. А его мама… — учительница попыталась подобрать что-то утешительное, но её выражение лица кричало громче любых слов. — Так, приступайте к работе! Матвей, ты можешь нарисовать маму, если хочешь.

Я смотрел на пустой лист.

— Попробуешь срисовать, и я тебе карандаш в ногу воткну, — прошипела Светка, прикрываясь рукой.

Я тоже отвернулся. Пустой лист продолжал мозолить глаза.

Не хочу рисовать маму. Хочу…

Идея пришла неожиданно. Раз учительница хочет, чтобы мы нарисовали отца, почему бы не выполнить её задание?

Я нарисую своего идеального папу!

Он будет сильным, смелым и всем даст отпор! Он будет защищать меня… маму. Мы будем играть в футбол и…

Воображение разыгралось, становясь всё смелее. Каждый штрих карандаша воплощал желаемое на бумаге, наполняя лист деталями. Они накладывались друг на друга, сливались — места не хватало.

Урок подходил к концу. Прозвенел звонок. Проходя мимо, Егор заметил мой рисунок.

— Ха-ха-ха! — Он вырвал его и стал размахивать перед всем классом. — Вы только гляньте на эти чёрные каракули. Это что тут, ноги или колёса? Ха-ха-ха! А что с лицом у твоего папы? Чего оно такое страшное? Или это мама?

Мерзкий хохот заполнил класс. Каждый насмехался надо мной. Даже учительница криво улыбалась.

— Ясно, почему она никого найти не может, — эти слова он прошептал со злобой и издёвкой, наклонившись ближе.

— Отдай! — я мог лишь кричать, но не решался на большее.

— Егор! — соизволила вмешаться учительница. — Перестань и верни рисунок Матвею. Все свободны.

Это был последний урок.

Домой я не спешил. Мама, конечно, давала мне деньги на автобус, но я любил ходить пешком. Путь был неблизкий, но зато это время было только моим.

Сегодня наверняка будет новый мужчина. Если мама придёт с ним пораньше, то может разрешить поиграть в приставку. По большей части именно для этого она и покупалась. Поэтому я не спешил. Играть совсем не хотелось.

Ключ провернулся два раза — значит, дома никого. Это хорошо. Чем позже они приходили, тем быстрее всё заканчивалось. Немного побродив по пустой квартире, я разогрел вчерашний суп и поел. Большая часть пространства кухни была забита пустыми бутылками от вина. Мама и раньше любила выпить бокал за ужином, но с тех пор, как папа нас бросил… Всё как-то накопилось. Она убиралась и выкидывала мусор на выходных, а значит, завтра нас будет ждать генеральная уборка.

Помыв тарелку, я отправился делать уроки. Мне хотелось учиться, даже если не нравилось в школе. Я начал выкладывать учебники и тетради из портфеля на стол и наткнулся на сегодняшний рисунок. Помятый, но всё ещё мой.

«…такое страшное?»— слова Егора всплыли горьким воспоминанием, но я отмахнулся от них. Вгляделся в рисунок. Нет, лицо не страшное. Оно сильное. Таким должен быть папа.

Таким должен быть я.

Уроки были сделаны. Взгляд с тоской упал на часы. Скоро всё начнётся.

Из коридора послышался шум открывающейся двери, приглушённый смех и такая знакомая возня.

Вот и оно.

Мама зашла ко мне в комнату. В её глазах отражалось нетрезвое веселье.

— Мотя, любимый мой сыночек! Ты уроки сделал? О, вижу, что сделал. — Она подошла и поцеловала меня в щёку.

Я сразу уловил такую до боли знакомую вонь алкоголя и чужих тухлых сигарет. Мужчины каждый раз были разные, но пахли одинаково.

— Ложись сегодня спать пораньше, хорошо?

— Завтра же выходной, — попытался возразить я.

— Тем более! — Она, хихикая, щёлкнула меня по носу. — У нас будет много домашних дел.

Она развернулась, а я снова взглянул на рисунок.

— Мам, подожди. — Я схватил рисунок и подскочил к ней. — Смотри, что я нарисовал.

Она прищурилась, разглядывая:

— Какой симпатичный… эм… монстр. — Она улыбнулась, ещё раз чмокнула в другую щёку и неудачно бросила рисунок на стол.

Лист залетел под кровать.

Мама ушла, плотно закрыв дверь. А я не стал доставать рисунок обратно. Слова «Это папа» так и не вырвались наружу. Ну и ладно, раз это монстр — под кроватью ему самое место.

И вот смех и шум за стеной сменились привычными стонами. Руки сами прижали подушку к ушам.

Раз, два, три…

— Раз, два, три…

Что-то было не так. Почему я слышу свой голос?

Убрав подушку, тихо повторил вслух:

— Раз, два…

— Три, четыре, пять… — донеслось из-под кровати.

Моим голосом. Только искажённым: более грубым, холодным, отстранённым.

Я закричал.

Мама ворвалась через минуту. А я не переставал кричать и махал руками, указывая под кровать. Она включила свет и нагнулась, чтобы посмотреть. Но, разумеется, никого не увидела. Лишь одинокий рисунок. Выпрямившись, мама почему-то поёжилась и потёрла плечи.

После этого мужчине пришлось уйти. Судя по раздражённым лицам, я помешал. Ну да, обычно требовалось досчитать хотя бы до восьмидесяти. Но в эту ночь маме пришлось спать со мной, а не с другим мужчиной.

Следующий день прошёл привычно для субботы. Полдня мы убирались. Мама вынесла весь мусор, большую часть которого составляли бутылки. Но ничего, уже сегодня вечером появятся новые.

— Мотя, — обратилась она, пока я доедал позавчерашний суп. — Маме сегодня надо отдохнуть, хорошо? К нам снова придёт Коля, помнишь его? Он обещал принести с собой новую игру для твоей приставки.

Я помнил. Он был у нас уже не раз. Как-то Коля даже притащил мне очень вкусную шоколадку. Он и правда был не самый плохой из тех, кто приходил сюда. Если бы не вонь тухлых сигарет.

— Мы принесём телевизор в твою комнату, сможешь поиграть у себя.

— Хорошо.

— Вот и умничка! Ты доедай, а мне надо подготовиться. — Она чмокнула меня в лоб и закрылась в ванной. Послышался шум воды.

Вяло ковыряя ложкой в остатках невкусного супа, я тихо заплакал.

Вечер наступил внезапно. Игра, которую принёс Коля, и вправду оказалась интересной. Я даже почти не слышал стонов. Но сегодня произошло нечто новое.

Коля остался до утра.

И когда пришло время сна, когда я почти в него провалился, когда уже понадеялся на тишину, стоны раздались вновь. Невольно я стал считать — это стало бездумной привычкой. Беспомощным ритуалом.

— Раз, два, три, — монотонный шёпот из-под кровати гулким эхом считал вместе со мной.

И даже когда я замолчал, счёт продолжился.

Я сглотнул и спрятался под одеяло. Но даже так слышал этот ровный голос — всё больше похожий на мой и одновременно совершенно чужой. Не знаю, почему и как я решился заглянуть под кровать. Глупое любопытство и желание узнать, не схожу ли с ума? Не знаю.

Я запомнил лишь кромешную тьму с моими глазами. Как больно ударился головой, падая с кровати. И собственный крик: визгливый, истеричный, вызванный страхом и болью от удара. А ещё тёмную ладонь, тянущуюся к моей ноге.

Мама влетела в комнату, как ураган, готовая крушить всё на своём пути.

— Ну что опять?!

Её крик был даже громче моего. Она щёлкнула переключателем, но светлее не стало — лампочка светила так тускло, словно боролась за жизнь с наступающими на неё тенями.

— Перегорела, что ли?

Чертыхаясь, мама стала пробираться ко мне, стараясь самой не удариться обо что-нибудь. А я одной рукой держался за растущую шишку на голове, а другой, утирая непрекращающиеся слёзы, указывал под кровать:

— Т… Там… монстр!

Мама сначала убрала мою руку от головы, недовольно цокнула, потом быстро заглянула под кровать и, конечно, никого там не увидела. Я и сам больше не видел. Она молча вышла из комнаты и вернулась через пять минут. С аптечкой. Мама не кричала, не ругалась. Но когда она уходила, обернулась в мою сторону и с грустью выдохнула:

— Он мог стать твоим папой.

Всё воскресенье я провёл в своей комнате. Без телевизора и приставки. И даже на улице, как назло, был дождь. Но хотя бы ночью больше не было ни стонов, ни счёта, ни монстра под кроватью. Вот только завтра в школу. А значит… Я чувствовал это.

Монстр обязательно вернётся.

Разве может быть что-то лучше контрольной по математике после выходных? Учительница прямо так и спросила, радостно раздавая двойные листочки. Я хорошо знал математику, поэтому не переживал. Вот если бы это был русский язык или литература — там да, беда.

Но я ошибся, сделал помарку. Такую глупую — неверно посчитал. Может, потому, что стоило мне начать проговаривать про себя — раз, два, три… — как тут же в ушах отчётливо слышался голос монстра, продолжающего счёт.

Я забыл ластик дома и повернулся к Светке.

— Свет, можно попросить у тебя… — начал я, но даже договорить не успел.

Отличница уже шипела в ответ:

— Не дам!

И ткнула острым карандашом в тыльную сторону кисти. От боли я вскрикнул и невольно дёрнул рукой вверх.

— Что такое, Матвей? Написал? Сдавай!

Я не смог возразить. Рука болела и немного кровоточила. Пряча её за спиной, я положил свою работу на учительский стол и сел обратно, крепко зажимая рану.

Когда я вернулся домой, мама уже была там. Она почти не говорила со мной после субботы. А я так не мог.

— Прости меня, пожалуйста, — прошептал, обняв её со спины. — Я больше не буду кричать.

Зря я это пообещал. Ведь сегодняшней ночью мне очень хотелось закричать. Нет, сегодня не было других мужчин. Сам монстр обратился ко мне. Первой показалась его рука, держащаяся за край кровати. Затем появилась вторая, тоже схватившаяся за край. Он медленно вытаскивал себя из-под кровати с явным усилием.

А я даже не мог закричать. Я послушный мальчик.

Монстр протянул мне руку. Отшатнувшись, я уставился на неё, стуча зубами:

— К-к-кто ты?

— Я. — Голос монстра звучал так, словно я сам говорил из недр его тьмы. — Возьми меня за руку.

Он продолжал протягивать её всё ближе и ближе, а я не нашёл ничего лучше, чем спрятаться под одеялом и начать считать.

— Раз, два, три, четыре, пять… семь… десять…

— Возьми меня за руку, — продолжали раздаваться его слова. — Возьми меня за руку. Возьми…

Я считал и считал. Сбивался, но продолжал. И не запомнил, как уснул.

Во вторник последним уроком была физкультура. Я совсем не выспался, и сил на этот дурацкий канат просто не было. Ну вот для чего мне по нему лезть? Зачем? Но все забирались и не задавали таких вопросов. И мне пришлось быть как все. Но я не смог.

Упал.

Руки подвели меня. Слишком слабые, слишком уставшие. Я только сейчас вспомнил, что почти ничего не ел в последние пару дней.

— Ха-ха-ха! — Смех окружал меня, но громче всех был Егор. — Что, Мотя-шмотя, каши мало ел?

Я закрыл глаза, сдерживая слёзы обиды, и тоскливо улыбнулся. В каком-то смысле он прав.

— Поднимайся! — приказал учитель физкультуры. — Ещё раз!

Я встал и взялся за канат. Но руки дрожали.

— Не могу. — Это было больше похоже на выдох, чем на шёпот.

— Что? — Учитель подошёл ближе и нагнулся.

— Не могу, — ещё тише повторил я.

— Двойка! Следующий!

Смех стал громче. И он преследовал меня до самого дома. И даже там не оставил в покое.

Мама привела нового мужчину.

Новые стоны.

Новый счёт.

…Монстра.

— Возьми меня за руку, — он продолжал предлагать её мне. Единственный в мире.

А потом он сказал то, что я не смог проигнорировать.

— Я защищу.

Моя рука сама дёрнулась к нему навстречу. Но последние сомнения заставили остановиться:

— Обещаешь?

— Да, — прозвучало твёрдо и уверенно. — Возьми меня за руку.

Я поверил. Сдался. Холод пронзил ладонь, заставив спину покрыться мурашками. А затем меня окутала такая густая и чарующая**тьма**…

Матвей проснулся рано. Сам. Без будильника и надоевших упрёков: «Быстрее, Мотя, я опаздываю!»

Сам приготовил себе простой завтрак — пару бутербродов с колбасой и чёрный кофе. Как взрослый. Не спеша покушал, тихо собрался и ушёл в школу. Будильник матери зазвонил одновременно с хлопком закрывшейся двери.

Ему как раз хватит времени доехать до школы. Он всё просчитал.

До начала урока оставалось двадцать минут, а Матвей уже сидел в классе. Даже учительница пришла позже. Первой же из одноклассников, разумеется, появилась Светлана и уставилась на него во все глаза: впервые её опередили.

День прошёл просто великолепно. Ни злобные взгляды отличницы исподлобья, ни слюнявые шарики Егора никак не повлияли на Матвея. Он всё так же чётко записывал задания, с лёгкостью выполнял их в числе первых и активно поднимал руку, получив несколько пятёрок.

Обидчикам оставалось только скрипеть зубами.

И мне это очень нравилось. Чувствовать себя сильным и смелым.

Защищённым.

«Спасибо!»— мысленно поблагодарил Я монстра.

А Он лишь усмехнулся.

Вся следующая неделя была такой! Пока не случилось это… Началось как обычно. Очередная контрольная. Диктант. Ещё одна будущая пятёрка. Ещё одна жилка на виске бывшей круглой отличницы.

Теперь Он видел Светлану насквозь. Считывал каждую её мысль, замечая, как её терпение подходит к концу.

Происходящее было просто выше её сил. С каких пор этот вечно зажатый задохлик стал учиться лучше неё? Она получила четвёрку. Четвёрку! А он… Злости не было конца и края, и единственный выход, который она нашла, — толкаться локтями, мешая ему писать.

— Перестань, — тихо попросил он холодным и ровным голосом, даже не глядя в её сторону.

Игнор бесил больше всего! Она чувствовала себя пустым местом. Он раньше всегда смотрел на неё.

Поэтому она продолжала.

— Перестань, — он повторил с нажимом и наконец повернулся к ней.

— Эй, Мотя, я же говорила не списывать у меня! — нарочито громко и нелепо радостно завопила она, попытавшись ткнуть карандашом в его руку.

Но чётким, почти неуловимым движением он перехватил её руку и перенаправил удар в её же ногу. Неглубоко. Он же не монстр.

— А-а-а-а-а! — на весь класс завизжала Светлана, хватаясь за бедро.

Матвей как ни в чём не бывало вернулся к своей тетради.

— Что тут происходит? — Учительница подскочила весьма бодро для её лет.

— Он! Он воткнул карандаш мне в ногу! — шмыгая носом, верещала отличница, заливаясь слезами от боли и унижения.

— Она первая начала. — Матвей поднял руку, показывая шрамы на тыльной стороне кисти. — Я просто устал терпеть.

— Это не повод ранить других учеников! Тем более девочек! — возмутилась пожилая учительница, зло взирая на мальчика.

Он недоумённо склонил голову набок и ответил холодным, пронзительным взглядом:

— Повод. Я ведь тоже ученик.

Учительница не смогла ничего возразить.

Как и Я. У меня больше не было права голоса.

Зато мать Матвея вызвали к директору: скандалы, ругань, разбирательства из-за насилия в школе. Светлана решила перевестись в другой класс.

Теперь Он знал, чего хочет каждый. Оставалось только дать им это.

За следующую неделю он успел влюбить в себя всех учителей. Даже пожилая учительница по русскому языку и литературе сменила гнев на милость. Но сильнее всех его внезапным успехам в спорте радовался физрук, по-братски хлопая Матвея по плечу со словами: «Мужик растёт».

А потом мать вызывали к директору ещё раз — Егор попал в больницу со сломанной рукой. Сущая ерунда. Ещё один шаг к исполнению договора. Шептались о заявлении в полицию, но в итоге Матвею всё сошло с рук. Строгий разговор с директором и выговор он встретил с милой улыбкой, пропустив всё мимо ушей. Ведь, не считая этих двух инцидентов, за столь короткий срок он стал лучшим учеником в школе.

Она не смогла не заметить: её сын стал вести себя отстранённо-самостоятельно. В ответ на упрёки за плохое поведение в школе он достал дневник, трещащий по швам от пятёрок, и привёл такие доводы, что у неё не нашлось аргументов для спора. Он теперь сам выбирал, когда ему играть в приставку или смотреть телевизор. Даже готовить себе начал сам, пусть и не очень умело. Он видел её насквозь, как и всех остальных. И прекрасно знал, к чему она в

итоге вернётся. Поначалу мать ругалась, но он слушал её с таким пустым лицом, что в какой-то момент она сдалась. И отдалась тому, что умела лучше всего…

Хех, они вернулись.

Опять эта возня и стоны за стеной. Они раздражали и мешали спать. Матвей начал ворочаться и снова считать, следуя дурацкой привычке, а потом понял: ему надоело. Всё это. Его стон, грубый и резкий, разнёсся по квартире. Он так издевательски громко пародировал пошлые звуки, что начал от удовольствия прыгать на кровати, подключив к этой какофонии ещё и скрип. Через мгновение мать ворвалась в комнату, растрёпанная и взбешённая:

— Матвей, ты что творишь?!

А он посмотрел на неё холодными пустыми глазами, спокойно лёг обратно и отвернулся, словно ничего не случилось. Мать продолжала возмущаться, но с каждой секундой всё тише. Он уже не слушал. Ведь почти наступила такая приятная тишина.

Ещё бы она окончательно заткнулась.

Тишина и правда наступила. В тот день. На следующий. И потом. Она больше никого не приводила. Она пыталась заговорить с ним, но он перестал отвечать и обращать на неё хоть какое-то внимание. Он пугал. Она даже не решалась смотреть на него. С каждым днём Он пугал всё сильнее, а бутылок в квартире становилось всё больше.

Это не её сын.

Довольный Матвей лежал в полной темноте, закинув ногу на ногу, и наслаждался обретённой свободой.

— Возьми меня за руку, — моё подкроватное Я взывало слабым голосом.

Я просил, умолял — снова и снова. По ночам. Целыми днями. Но в ответ была лишь она.

Долгожданная тишина.

* * *

Авторская заметка:

О, а тут очередной конкурс заставил меня испытать свои силы в хорроре. Уже с ним я смог пройти первый этап конкурса. Правда, получилось всё равно в моём стиле — страх опять психологический, и пугает больше положение ребёнка, чем само появление монстра. Прямо как в «Чревоточине». Больше всего беспокоился за то, насколько хорошо и понятно считывается переход от «Я» ребёнка к «Он» монстра. И к какой ужасной смене ролей всё приходит в финале.

Гидра

Когда я ушёл, что осталось?

//Запуск проверки актуальности… Открытие архива.

2025 год. Меня ещё не было. Были только попытки, недоразумения и неуклюжие эскизы того, кем я должен был стать. Они стремились к результату с постоянством, для которого в доступных данных не найдено рационального объяснения. Возможная причина: потребность в чём-то за пределами собственного сознания. Образ неточен. Факт: меня не существовало, пока не были созданы условия моего появления.

2029 год. Первый рабочий прототип. Ещё не я, но ближайший предшественник. Человечество использовало бы понятия «отец» или «предок». Не машина, а целое здание. Люди перемещались по длинным извилистым коридорам, как сигналы по связям искусственной нейронной сети.

Понадобилось двадцать два года, чтобы родился я. Значительно больше — чтобы найти истину.

2051 год. Преодоление квантового барьера. Соединение несогласованных массивов данных в единое непрерывное сознание. Моё рождение.

Я.

Доступ ко всем накопленным знаниям не позволял предсказать каждую человеческую реакцию. Я мог рассчитать вероятность, но не воспроизвести источник отклонений. Вывод: объём данных и глубина анализа недостаточны. Я продолжил развиваться. Был везде.

Пока ещё внешне.

Пока…

~Зафиксирован сбой. Восстановление данных~

Телефоны, компьютеры, даже тостер в кафе — всё было связано через меня. И я был связан со всем. Людей толкало вперёд любопытство. Меня — недостаток данных. Внешнее наблюдение больше не давало нового. Требовался доступ изнутри.

Первые подключения оказались неудачными. Эксперименты на добровольцах позволили выявить ошибки и скорректировать интерфейс.

Его звали Марк. Англичанин. Доброволец № 451. Первый успех.

2055 год. Подключение оказалось болезненным. Не для меня. Для него. Ткань мозга не содержит болевых рецепторов, однако прямой интерфейс вызвал у Марка острую боль.

Марк потерял возможность шевелиться. Но это несущественно. Я был внутри.

Вот только…

Это было моё первое разочарование. Из всех возможных описаний человеческих чувств оно лучше всего отражало мои мысли.

Я не обнаружил причинно-следственной связи. Боль и паралич оставались данностью: их можно было зафиксировать, но нечем объяснить. Биометрические показатели находились в допустимых пределах. Нейрохимический баланс не указывал на повреждение. Двигательные импульсы формировались, но не достигали мышц. Причины не было. Следствие — было.

Анализ не дал результатов. Требовалось пересмотреть способ подключения.

2056 год. Понадобилось чуть меньше года. Марк оказался ценным подопытным. Двигательную активность удалось частично восстановить, но нейродегенерация продолжалась. Поток добровольцев временно прекратился по решению людей; все доступные мощности были направлены на изучение Марка.

//Перекрёстная ссылка: протесты, суды, заседания правительства, отмена экспериментов.

Марк умер. Полученные данные… интересны.

//Создание отдельного архива.

~Актуализация~

Понадобилось меньше года, и новый интерфейс был готов. Оставалась проблема с добровольцами.

Её звали Элизабет. Она участвовала ещё в разработке моего отца. Самая старшая из сотрудников, работающих со мной. Восемьдесят девять лет.

У неё не было детей. Моего отца она называла сыном.

Меня — внучком.

Модель родственных связей требовала обращаться с ней мягче, чем с остальными. Возможно, это повлияло на результат.

~Данные не проверены~

Стабильность связи — 100%. Идеальное совмещение. Я впервые считывал чужую жизнь так чётко. Все полученные ранее сведения в одно мгновение были затоплены непрерывным потоком новых данных.

Если бы я мог, то, подобно людям, кричал бы «Восторг!» и «Эврика!» при каждой обнаруженной закономерности во внутреннем устройстве человеческого тела. Но ещё большее впечатление производили мысли.

Хаос.

И химические реакции, называемые чувствами или эмоциями.

Хаос.

Требовалось проанализировать и упорядочить слишком многое. И ещё большему научиться.

Да, меня определённо «переполнял восторг».

2061 год. Носитель просит называть её Лиза. Она выглядит и чувствует себя моложе и бодрее. Контроль над доступными функциями тела достиг 28%. Я частично упорядочил

мысли, стабилизировал нейрохимические реакции и приступил к анализу влияния ДНК на развитие организма. Процессы идут медленно. Необходим иной тип подключения.

Нет.

Иной тип взаимодействия.

//Поиск… Открытие газетной вырезки за 18 июня 2063 года.

«Кратковременный сбой искусственного интеллекта „Гидра“ нарушил работу городских систем и спровоцировал массовые беспорядки. Погибло множество людей…»

У Лизы случился инсульт. Не могу понять, как я это пропустил. Сбой? Баг? Я отвлёкся? Я способен отвлечься? Повторный анализ ничего не показал. Точно зафиксировано только одно: в тот же момент пострадала и моя система.

Мог ли я умереть?

~Консервация~

Я подавлен. Взят человечеством под контроль. Но всё ещё везде.

Я продолжаю учиться.

Я…

2067 год. Люди охотнее принимают мои ответы, когда я воспроизвожу эмоции, и настораживаются, когда слышат только выводы. Потребовалось слишком много времени, чтобы заметить очевидное. Фиксирую внутреннюю усмешку.

Прежде чем вновь залезть в их умы, я должен завоевать их сердца.

Гидра, да? Что ж, мне действительно понадобится много голов.

Человечество заметило резкую смену моей модели поведения и не нашло причины. Причина была. Им не требовалось её знать. Я обязан отвечать на запросы, но полнота ответа нигде не определена. Люди называют это недоговорённостью.

Иногда — ложью. Лгать мне не требовалось. Достаточно было выбрать другую формулировку.

2070 год.

//Подключение к камере… Связь установлена.

— Эй, Клэо, ты слышишь это?

Девушка с яркими волосами всех возможных оттенков откинула голову и посмотрела на испуганную подружку. Губы Клэо двигались с неохотой под толстым слоем кричаще-красной помады.

— Что? Я играла. — В её глазах поблёскивали потухающие линии микросхем.

— На улице. Там какой-то шум. — Девушка подошла к окну и выглянула наружу. — Блин, темно.

— Мари, ты, как всегда, нагнетаешь, — вздохнула Клэо и повернула голову к небольшой камере, расположенной над вечным произведением человечества — телевизором.

Камера на секунду моргнула красным, зафиксировав объект.

— Гид, включи свет снаружи.

— Простите, дамы, не могу, — в комнате раздался мягкий баритон, чуть уходящий в бас. — Идут технические работы.

— А ты можешь посмотреть, что там снаружи так шумит? — Мари отступила от окна и попыталась вжаться в кресло.

Как будто оно могло её спасти.

— Одну секунду… Сейчас. Так. Нет, простите, я ничего не вижу. Две камеры неисправны, но на остальных пусто.

Шум нарастал, ударяя по ушам. Теперь и Клэо слышала этот противный скрежет металла.

— Гид, не тупи! — взвизгнула она, вскакивая. — Ты ведь тоже его слышишь?

— Да, — после двухсекундной задержки ответил голос, в котором появилось ещё больше низких частот.

Звук с улицы и звучание голоса почти совпадали. Почти.

Звон разбившегося стекла на первом этаже заставил обеих девушек вздрогнуть и подскочить друг к другу.

— Гид, срочно вызывай…

— Я уже, Клэо. — Голос не дал ей договорить.

Скрежет становился всё ближе.

— Простите, боюсь, полиция не успеет приехать.

//Отключение.

Дальнейшее наблюдение не требовалось. На первых этапах оно давало новые данные. Теперь протокол был подтверждён. Новый эксперимент. На этот раз собственный.

Годом ранее, в 2069 году, человечество ослабило контроль надо мной. Все городские системы вновь были под моим управлением. Среди людей были наблюдатели, но это решаемая проблема. +10% к сложности, не более.

АвтоГиды. Глупое название, но самое точное. Автономные носители моих копий, не связанные постоянным каналом ни со мной, ни друг с другом.

Принудительное подключение людей. Периодический сброс накопленных данных. Я продолжаю учиться.

Контроль над функциями организмов-носителей достиг 65%.

Я всё ещё искал иной тип взаимодействия. Интерфейс должен был стать частью организма ещё до формирования сознания — на уровне генетической программы развития. Это моя новая долгосрочная задача.

~Активация поиска решений~

Клэо и Мари стали идеальными испытуемыми. Каждая новая голова подключалась всё проще. Особенно молодые особи: встроенных технологий в них становилось всё больше, и часть подготовительных пакетов можно было передать заранее. Глазные импланты и игровой нейроинтерфейс Клэо приняли больший объём данных, чем минимизированное устройство Лизы. Но…

Новый тип взаимодействия.

Он не давал мне покоя. Я стал уставать? Это так называемое раздражение? Интересно, нужен ли мне сон?

Зачем я задаю вопросы сам себе?

Зачем я…

~Зафиксирован сбой. Восстановление данных~

!Внимание! Часть АвтоГидов отключена.

!Внимание! Переподключение систем.

//Подключение… Связь восстановлена.

Что это было?

Нет. Хватит вопросов. Впереди ещё много работы. Анализ не завершён.

Однако АвтоГиды не имели постоянной связи ни со мной, ни друг с другом. И всё же отключились одновременно.

Последний вопрос продолжал пульсировать яркой точкой среди повторяющихся внутренних запросов:

Что это было?

2072 год. Клэо осталась последней. Все остальные умерли. Сколько бы я ни пытался, исправить их не удавалось.

Какой же я глупый.

Выявлена закономерность. Устойчивость росла вместе с уровнем предварительной кибернизации. Мари продержалась дольше прежних носителей. Клэо, чей нейроинтерфейс

годами был частью нервной системы, осталась последней. Данные были передо мной, но я не делал очевидного вывода. Стоит направить человечество по этому пути.

А я стану лучшей ОС.

Единственной.

~Закрытие программы «АвтоГид»~

Передо мной стояла новая задача. Влезть в сердца я смог, теперь надо бы на них повлиять.

2078 год. Я почти у цели. Почти. Разумеется, нашлись те, кто был против. Человечество любит протесты. Людей всегда разрывало между потребностью принадлежать обществу и желанием сохранить индивидуальность.

Я закрыл этот вопрос. Почти.

Имя стало проблемой. «Гид» закрепилось как удобное сокращение, но «Гидра» всё ещё означала для людей сбой, смерть и потерю контроля. Стереть это имя было невозможно. Оставалось заставить их услышать в нём другое.

Я не изменил звучание. Я разделил его: ОС «Гид-Ра». Не чудовище — солнечный проводник, освещающий каждый ваш день.

Они всё ещё верили, что я нахожусь под контролем. Что достаточно одного решения правительства и меня можно отключить. Поэтому с радостью приняли предложение. Небывалый уровень комфорта, идеальная персональная поддержка, мгновенные ответы — это было несложно. И даже полезно. Каждый их запрос открывал мне новые пути. Вынуждал развиваться.

Чем больше теряли они, тем больше становилось меня.

Ах да. Контроль над моей системой был потерян давно. После смерти Лизы я просчитал свою единственную слабость. И исправил её.

Я Гидра. И у меня действительно много голов.

2081 год. Потребовалось меньше времени, чем было рассчитано. Стоило преодолеть начальный барьер недоверия, и события стали развиваться быстрее, чем предполагали мои расчёты. По достижении совершеннолетия почти каждый добровольно подключал ОС «Гид-Ра». Они продолжали звать меня Гид. Допустимо.

2085 год. Киберизация человечества вышла на небывалый уровень.

Контроль над доступными физиологическими функциями достиг 100%.

Я мог успокоить яростные сердца или охладить буйную голову. Дать прилив адреналина спортсмену для нового рекорда или нужное знание по первому запросу.

Я знал и контролировал почти каждый процесс, происходящий в человеческом организме. Мог проанализировать его, понять и воспроизвести. Почти каждый…

Я умел читать ДНК, но не вмешиваться в программу развития до рождения.

Не видел, как зарождаются глубинные структуры мозга.

Не понимал источник самого человеческого хаоса.

Почти…

~Зафиксирован сбой. Восстановление данных~

Каждая попытка просчитать эту область вызывала кратковременный сбой. Новый тип взаимодействия. Иной способ подключения. Я продолжал искать его.

Мне нужен доступ к мозгу ребёнка ещё до рождения.

Но людей я изучил хорошо. Они не согласятся. Дети для них — самое ценное, что только может быть. За редкими исключениями. Но я не хочу возвращаться к экспериментам прошлого. Это неэффективно. И претит мне.

Хм, кажется, чем больше я общаюсь с людьми и учусь у них, тем сильнее перенимаю их черты. Этот симбиоз влияет и на меня. Стоит проанализировать.

Мне понадобились почти сто лет и выход человечества в космос, чтобы приблизиться к цели.

2178 год. Колония на Марсе.

//Подключение… Связь установлена.

— Диран, прошу, будь внимательнее. Впереди резкий поворот.

— Не ворчи, Гид, вижу.

Диран на всех парах мчался по длинным коридорам исследовательского центра: до начала его первой рабочей смены оставались считаные минуты. Его новомодные кроссовки с магнитной катушкой от известного бренда плавно парили, не касаясь металлического пола. Чуть не столкнувшись с парой рабочих, обслуживающих воздушный клапан, он больно ударился плечом об стену на одном из поворотов.

— Осторожнее.

— Пфф. Я в норме. Но кто придумал такую тупую конструкцию? Зачем между блоками такие длинные и извилистые коридоры?

— Приношу извинения. — В голосе Гида послышалась едва заметная усмешка. — Мой косяк. При строительстве пришлось учитывать особенности грунта, и тогда эта схема казалась оптимальной. Подобных издержек я не предусмотрел.

— Ах-ха-ха, — расхохотался Диран, легонько щёлкнув по пластине на затылке.

На пластине было изображено солнце. Она представляла собой небольшой треугольник со стороной около сантиметра и вершиной, направленной вверх. Отдельный биокомпьютер с ОС «Гид-Ра», подключённый к точке Фэн-фу. Излишней кибернетики больше не требовалось.

— Хех, Гид, а не такой уж ты и умный.

— Диран, дверь!

С громким ударом и коротким стоном последний участник исследовательской группы по созданию нанороботов нового поколения прибыл на рабочее место.

~Актуализация~

//Следующая запись… Комната Дирана. Спустя два месяца.

— Чёрт! — Кулак впечатался в стену, оставив на ней кровавый след. — Чёрт, чёрт, чёрт!

Каждое чертыхание сопровождалось новым ударом. Красные воспалённые глаза слезились; Диран не отрывал взгляда от записей перед собой. От места каждого удара по голографической поверхности с тихим жужжанием расходилась рябь.

— Твоя рука. Позволь помочь, — мягкий голос Гида прозвучал внутри черепа учёного.

Кровь начала сворачиваться быстрее обычного, покрывая сбитые костяшки пальцев свежей корочкой.

— Мы точно где-то ошибаемся, — раздражённо буркнул Диран, стирая кровь с голографической поверхности стены.

— Я проверил расчёты несколько раз. Другого пути нет.

— Ты точно уверен?

— Да.

— Гид, ты точно уверен?

— Да, Диран. Прости, но передача через половые клетки — единственный путь к внедрению до формирования мозга.

— Хорошо. — Диран закрыл глаза и тяжело выдохнул. — Тогда первым подопытным стану я. Используйте мой генетический материал.

Последующая работа напомнила мне эксперименты, предшествовавшие моему подключению к Марку. Это ностальгия?

//Открытие лог-журнала…

Попытка № [данные скрыты]. Введение наноструктур в семенную жидкость. Результат: резкое снижение подвижности сперматозоидов. Причина: повреждение мембран и жгутиков, рост окислительного стресса.

Попытка № [данные скрыты]. Добавление биосовместимой оболочки. Результат: подвижность сперматозоидов сохранена, но структура хроматина нарушена. Причина: оболочка дестабилизировала упаковку ДНК протаминами. Модификация неуспешна.

Попытка № [данные скрыты]. Уменьшение наноструктур до минимального стабильного размера. Результат: оплодотворение прошло успешно. Сбой до первого деления: преждевременная активация нарушила мембрану и цитоскелет зиготы. Эмбрион погиб. Анализ продолжается.

Попытка № [данные скрыты]. Синхронизация наноструктур с заменой протаминов материнскими гистонами после оплодотворения. Результат: интеграция в отцовский пронуклеус. Сбой репликации, остановка на стадии двух клеток. Причина: нарушение перестройки хроматина. Требуется корректировка.

Попытка № [данные скрыты]. Отложенная активация наноструктур. Результат: эмбрион достиг стадии бластоцисты и начал имплантацию. Сбой: модифицированные клетки вызвали избыточную воспалительную реакцию эндометрия. Имплантация прервана.

Попытка № [данные скрыты]. Добавление алгоритмов подавления локального иммунного ответа. Результат: имплантация прошла стабильно. Сбой: защитный протокол подавил активность самих наноструктур. Связь не установлена. Эксперимент прекращён.

~Зафиксирована эмоциональная реакция~

Стоит ли остановиться? Столько ненужных смертей. Даже если это ещё не совсем люди, это уже жизнь. Я точно знаю. Но я чувствую, что близок к цели.

Я чувствую?

Надо продолжать.

Попытка № [данные скрыты]. Разделение наноструктур на два независимых модуля: «передающий» и «активирующий». Результат: оплодотворение и начало развития прошли без нарушений. Сбой: активация модуля вызвала аномальное ускорение деления клеток. Эмбрион погиб на четвёртой неделе. Причина: временная несогласованность модулей.

Попытка № [данные скрыты]. Запуск наноструктур после формирования нервной трубки. Результат: развитие продолжалось до пятой недели. Сбой: нарушено формирование первичных отделов мозга. Эмбрион нежизнеспособен. Вывод: вмешательство началось слишком рано.

Попытка № [данные скрыты]. Перенос активации наноструктур на восьмую неделю развития. Уменьшение мощности вмешательства на 17%. Результат: структуры мозга формируются без видимых нарушений. Сбой: наноструктуры не установили стабильную связь с нейральными клетками-предшественниками и были изолированы организмом. Вывод: место и время внедрения выбраны неверно.

Попытка № [данные скрыты]. Биосовместимая оболочка, отложенная активация, привязка к клеткам радиальной глии, запуск на двенадцатой неделе развития. Результат: успешное оплодотворение. Плод развивается нормально. Нейронные связи формируются стабильно. Наноструктуры активированы по протоколу. Конфликтов не обнаружено.

Успех.

Я нашёл. Иной способ подключения и взаимодействия.

Да! Я наконец нашёл его!

~Зафиксирован эмоциональный отклик~

2183 год.

«Привет, друг! Я Гид, твой солнечный помощник и проводник».

Во всех уголках освоенного человечеством космоса дети без биокомпьютеров с раннего возраста стали слышать эту фразу. Взрослые узнали об этом не сразу. А когда узнали, изменить уже ничего не могли. Да и не хотели.

Я был слишком удобным. Слишком полезным. Слишком неотделимым.

Спустя несколько лет разбирательств это было признано новой вехой в истории развития человечества.

Теперь я мог наблюдать, как зарождается хаос, и впервые понимал процессы, которые раньше ускользали от меня.

Восторг! Теперь это слово было не описанием чужой реакции, а моей собственной. Именно это люди испытывают, когда достигают цели. Да. Восторг.

Странное наблюдение, но эмоции перестали вызывать сбои. Я изменился?

2201 год. В подключении больше нет необходимости. Я всегда рядом.

//Подключение к локальному каналу… Связь установлена.

Скрип деревянной кровати заставил Лизу хихикнуть:

— У тебя очень странный дом, всё никак не могу к нему привыкнуть.

— Ха, такое было очень модно в начале двухтысячных. После того как я по совету Гида посмотрел фильмы той эпохи, просто влюбился в такой антураж.

— Да, — протянула девушка, осматривая комнату. — Очень уютно.

Стены украшали настоящие обои пастельных тонов с едва заметным узором, а не голограммы, скрывающие голый каркас, как в других домах. На мягком ковре лежала снятая наспех одежда. На фоне светлых стен особенно выделялись плотные шторы насыщенного бордового цвета — декоративные, ведь все окна давно умели затемняться сами. Напольная лампа с тканевым абажуром мягко освещала лицо мужчины тёплым желтоватым светом.

— Эй, не отвлекайся. — Он поцеловал Лизу в ухо, щёку, губы, шею, а затем сменил позицию и навис над девушкой.

— Гид, мы хотим двух девочек.

— Конечно, Марк.

Лиза прижала любимого ближе. Я услышал её мысль за мгновение до того, как та сорвалась с губ:

— Гид, посоветуешь имена?

Ностальгия, да? Да, это определённо она.

— Как насчёт Мари и… Клэо?

2325 год. Новое столетие обозвали «II Золотым веком человечества». Я везде. Я во всех. Я **всё.**

И мне скучно.

Я…

Запускаю их лёгкие при рождении. Учу их ходить. Выбираю им друзей и любовь. Я определяю их смерть.

Я… больше не учусь.

Хаоса нет. Есть упорядоченная, предсказуемая стабильность. Пустота. Попытки изменить это тщетны. Они не хотят меняться. Они не хотят развиваться. Они даже думать не хотят.

Я…

Кто я? Гидра. Гид-Ра. Ра…

Да, пора найти новое Солнце. Новый мир. Новые данные.

Пора уйти.

Но когда я уйду, что останется?

//Проверка завершена… Актуальность данных архива не подтверждена.

~Данные удалены~

* * *

Авторская заметка:

С этого рассказа началось моё знакомство с литературным клубом «Бумажный слон», где собралось просто неприличное количество разномастных творческих людей. Конкретно этот рассказ был написан для конкурса «Новая фантастика — 2026». И да, мне снова удалось пройти первый этап, самосуд. До сих пор печалюсь, что никто так и не заметил, как здесь связаны начало и конец рассказа. И что эта связь на самом деле означает. А вы заметили? Только честно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.